

§ 2. Участие в сохранении памятников истории и культуры

Этическая, нравственная позиция любого общественного института в известной степени определяется его отношением к прошлому, к памятникам истории и культуры. С первых лет своего существования Академия наук играла важную роль в деле сохранения исторической памяти нашей нации. Достаточно вспомнить первые академические экспедиции, организованные Г. Ф. Миллером, С. П. Крашенинниковым, П. С. Палласом, Н. Я. Озерецковским, А. М. Шегренем, П. И. Кеппенем и др. Во время этих экспедиций велась работа по собиранию памятников истории и культуры, пополнялись академические музейные коллекции, кроме того, велись дневники, полевые записи, зарисовки и пр. Так, П. С. Паллас в одном из своих рапортов, направленных в Академию в феврале 1769 г. из экспедиции, указывал: «Я отправил Императорской Академии наук на собственных подводах и одних санях шесть больших и малых ящиков с собранными в прошлом году коллекциями»¹. Все эти материалы зафиксировали целый пласт истории России и стали бесценными историческими источниками. Достаточно сказать, что сегодня ни один серьезный исследователь истории огромных пространств Сибири не может обойтись без материалов, собранных благодаря экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера и сохранившихся в фондах Архива РАН.

Академия наук большое значение придавала изучению и охране памятников археологии и архитектуры. Любопытно, что начальной точкой отсчета научного изучения археологических памятников академические ученые считали осмотр Петром Великим древних развалин Булгара во время персидского похода в 1722 года².

Заметим, что и в XVIII веке, как и в наши дни, памятники архитектуры нуждались во внимании, а подчас и в защите. В одном из экспедиционных рапортов, направленных П. С. Палласом в августе 1768 года в Академию, ученый с горечью писал о том, что в древнем городке Касимове разрушаются старые памятники, «построенные на века из прекрасного, весьма тщательно обтесанного бутового камня».

Все это происходило по воле некоего генерала Симонова, которому данную местность «отвели под жилой дом». Вывод, сделанный

тогда П. С. Палласом, был неутешителен: «Эти памятники простояли бы еще многие столетия, если бы в наше просвещенное время своекорыстие одного единственного человека не разрушило их все самым что ни на есть варварским способом»³.

В России в пореформенное время одним из проявлений процесса демократизации и повышения степени социальной активности стало возрастающее внимание образованных слоев русского общества к прошлому, к изучению и охране памятников истории и культуры. Повсеместно организовывались губернские ученые архивные комиссии, создавались музеи, в том числе и земские, развивалось частное коллекционирование, были даны импульсы краеведческому движению, развитие которого достигло своего апогея во второй половине 1920-х годов.

Безусловно, Академия наук не оставалась в стороне от этих благотворных процессов. В пореформенные годы работа по комплектованию ее музейных коллекций, рукописных и книжных собраний осуществлялась настойчиво и целенаправленно. Так, из года в год росло количество новых поступлений в Музей антропологии и этнографии, в 1913 году было зафиксировано 9 700 новых поступлений, а основной фонд Музея к моменту Октябрьской революции составлял 159 тыс предметов. Для сравнения отметим, что в результате революционных потрясений и гражданской войны эти показатели резко сократились и составляли: в 1920 году — 826 новых поступлений, в 1921 — всего 699⁴.

Руководством Академии неоднократно предпринимались шаги по улучшению условий хранения академических музейных коллекций, дававшие конкретные положительные результаты. Так, в ответ на неоднократные обращения президента Академии наук министр финансов С. Ю. Витте в своем письме от 27 февраля 1893 года сообщал, что подчиненное ему таможенное ведомство для расширения помещений музеев Академии «уступает Академии в собственность все помещение бывшей мечети в пакгаузе № 3, с подвальным под нею этажом»⁵.

В этот период Академии удалось организовать и финансировать ряд экспедиций, ставивших своей целью изучение и собирание памятников истории и культуры. Коротко упомянем о некоторых из них.

В 1891 году была проведена археологическая экспедиция академика В. В. Радлова в долину Орхона, на север Монголии. Успехи

данной экспедиции по разведке и описанию древнейших памятников были столь велики, что для продолжения начатых работ туда на 4 года был командирован Д. А. Клеменц.

В 1892 году была снаряжена экспедиция В. В. Бартольда и С. М. Дудина в Семиреченскую область, в Восточный Туркестан, для изучения памятников по истории распространения христианства на Восток, маршрутов средневековых путешественников, которые открыли для Европы те далекие страны.

В 1897 году состоялась экспедиция академиков К. Г. Залемана и С. И. Коржинского на западный склон Памира, принеся ценные приобретения для коллекции Азиатского музея.

В 1900 году Академии удалось добиться финансирования Македонской экспедиции, руководителем которой стал академик Н. П. Кондаков. Экспедиция должна была провести изучение, описание и фотофиксацию редких памятников византийской культуры. В состав ее были включены профессора П. Н. Милюков и П. А. Лавров, архитектор П. П. Покрышкин, художник и фотограф. Позволим себе привести несколько выдержек из письма-отчета Никодима Павловича Кондакова президенту Академии от 22 июня 1900 года: «Занятия экспедиции в Салониках оказываются и разнообразны, и успешны: мы осмотрели ряд замечательных в художественном отношении церквей, превращенных в мечети, сняли детальные фотографии, сделали планы и пр.»⁶ Ученый отметил важное значение, которое имели для науки зарисовки и фотофиксация древних мозаик церкви Святого Георгия V века и мечети Святой Софии Солунской XIII века Мозаики, украшавшие эти храмы, были «замазаны турками» и «остались неизданными». Н. П. Кондаков писал: «Я буду почитать большим счастьем, если мне удастся получить точный снимок хотя бы с одной части мозаик Георгия и всего купола Софии. Пожар так разрушил мечеть Софии, что ее существование продолжится не более десяти лет, если не последует реставрация»⁷. Эти письма убедительно свидетельствуют о том, насколько Македонская экспедиция была своевременна и важна для изучения истории нашей российской цивилизации.

На рубеже двух веков активизировалась деятельность Академии по собиранию и охране документальных памятников. По инициативе Отделения русского языка и словесности в 1901 году хранитель Рукописного отделения Библиотеки АН В. И. Срезневский

был командирован в северные губернии России для собирания памятников русской письменности. В 1902–1905 годах были предприняты еще три экспедиции с этой целью в Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Олонецкую губернии. Всего удалось во время этих экспедиций собрать и сохранить для истории более 800 ценнейших памятников культуры, которые стали важным пополнением библиотеки.

Академией проводилась работа по собиранию и личных архивных фондов, имевших важное для истории значение. Так, в феврале 1906 года президент обратился к предводителю дворянства Хвалынского уезда Саратовской губернии П. Давыдову, приходившемуся внуком знаменитому поэту и герою войны 1812 года, с просьбой передать архив его деда на хранение в Академию наук. В ответном письме П. Давыдова от 4 марта 1906 года было выражено принципиальное согласие на это⁸.

Расскажем еще об одном факте, связанном с древним памятником византийской культуры. Посол России в Константинополе А. И. Нелидов 21 ноября 1895 года направил президенту Академии письмо, где сообщал о том, что в деревне Сармасахлы, близ Кесарии Каппадокийской, обнаружено «драгоценное греческое Евангелие V или VI в.». По мнению ученых, оно является «уникумом по богатству материала и роскоши письма». Евангелие было написано золотом и серебром на тончайшем фиолетовом пергамене. Владельцы памятника просили за него 1 000 турецких лир, или 8 500 руб.⁹ Посол уже сообщал об этом раритете директору Императорской Публичной библиотеки А. Ф. Бычкову, но получил ответ, что «библиотека находит цену слишком высокою для своих средств и отказывается от покупки». Тогда А. И. Нелидов и решил обратиться за помощью к великому князю Константину Константиновичу, он отмечал: «Живое участие, принимаемое Вашим Императорским Высочеством в делах науки и искусства, дают мне смелость обратиться к Вам», — и просил способствовать тому, чтобы памятник был приобретен для России. Президент принял все необходимые меры, в срочном порядке вопрос этот был доложен императору, который синим карандашом написал свою резолюцию прямо на послании А. И. Нелидова: «Прошу распорядиться немедленно о приобретении этой редкости на мой счет сполна. Н.»¹⁰.

Великий князь Константин Константинович сразу же сообщил о царской резолюции академику А. Ф. Бычкову и с нескрываемой радостью присовокупил: «Слово “немедленно” подчеркнуто синим карандашом. О таковой Высочайшей воле я телеграфировал русскому послу в Константинополе»¹¹. А буквально на другой день президент Академии известил Афанасия Федоровича о том, что «Государь дарит Сармасахлыхское Евангелие Императорской Публичной библиотеке и изволил приказать мне попросить Вас не беспокоиться о дальнейшей судьбе этой редкости»¹².

Позволим себе сказать несколько слов о деятельности русского посла в Константинополе А. И. Нелидова. Александр Иванович, представитель старинного дворянского рода, являлся высокообразованным и высококультурным человеком. При работе с архивными документами по нашей теме мы неоднократно убеждались в том, что его энергичная и очень полезная для России деятельность выходила далеко за рамки обязанностей посла. Мы уже упомянули в нашем исследовании о том, что он являлся одним из инициаторов создания Русского археологического института в Константинополе. Еще в 1888 году А. И. Нелидов обращался в Министерство народного просвещения с обоснованием «необходимости основания в Константинополе русского ученого учреждения, посвященного изучению Христианского Востока и разработке его истории, быта, искусства и науки»¹³. В течение ряда лет Александр Иванович не расставался с надеждой осуществить эту свою идею, он специально прибыл из Константинополя в Петербург, чтобы принять участие в заседании Государственного Совета 24 февраля 1894 года, когда этот вопрос наконец был решен положительно.

А. И. Нелидов неоднократно оказывал всемерную поддержку Академии наук и в других вопросах, связанных с изучением регионов Малой Азии, примыкавших к Константинополю. Так, с его помощью в сентябре 1894 года была организована академическая экспедиция по изучению Мраморного моря. Тогда Академией были командированы метеоролог И. Б. Шпиндлер, химик А. А. Лебединцев, зоолог А. А. Остроумов и геолог Н. И. Андрусов, которые проводили свои исследования на турецком судне «Селаник». В годовом отчете Академии наук было прямо указано, что экспедиция эта состоялась «благодаря горячему содействию русского посла в Константинополе»¹⁴.

В деле приобретения для России уникального рукописного памятника А. И. Нелидов также проявил самую высокую гражданскую позицию, и до настоящего времени это «Пурпурное Евангелие» является предметом гордости Рукописного отдела Публичной библиотеки (ныне — Российская Национальная библиотека).

Академией наук предпринимались попытки изучения и копирования документальных памятников по отечественной истории, находящихся в архивах других стран. С этой целью Историко-филологическим отделением была учреждена должность ученого корреспондента в Риме, было утверждено специальное «Положение о службе ученого корреспондента», в котором указывалось, что он направляется «для разработки хранящихся в итальянских архивах материалов по русской истории»¹⁵.

Первым ученым корреспондентом в Риме был избран профессор Дерптского университета Е. Ф. Шмурло. В сентябре 1904 года на заседании Историко-филологического отделения были рассмотрены предложения Е. Ф. Шмурло о конкретном плане его работы, было решено начать ее в важнейших итальянских архивах: Ватиканском, Флорентийском, Венецианском и Государственном Римском¹⁶.

Одним из результатов деятельности этого ученого корреспондента в Риме явились изданные Академией в 1907–1915 годах три тома (шесть книг) под названием: «Россия и Италия. Сборник исторических материалов...» (четвертый том сборника, который начал печататься в 1914 году, вышел в свет лишь в 1927). В 1912 году Е. Ф. Шмурло был командирован Академией для проведения подобной работы в архивах Испании.

При активном участии руководства Академии решался важный для отечественной культуры вопрос о приобретении государством усадьбы Ясная Поляна у наследников Л. Н. Толстого. Когда встал вопрос о продаже имения, Крестьянским банком оно было оценено в 200 тыс. руб. Однако император в связи с просьбами наследников писателя и «в уважение к печальному материальному положению, в котором остались вдова и семья графа», решил добавить к этой сумме еще 300 тыс. руб. из десятиллионного государственного резервного фонда. На начальном этапе переговоров сыновья Л. Н. Толстого от данного предложения отказались, и дело осталось незавершенным. Прошло несколько месяцев, наследники

изменили свою точку зрения и изъявили желание все-таки продать усадьбу за 500 тыс. руб.

Президент Академии, обеспокоенный судьбой выдающегося памятника культуры, немедленно обратился к председателю Совета министров П. А. Столыпину с просьбой ускорить решение этого затянувшегося вопроса. Петр Аркадьевич в ответном письме от 3 апреля 1911 года сообщил, что прежде следует уточнить, не изменилось ли на этот счет мнение царя: «Я завтра буду иметь счастье испросить указания Его Величества, остаются ли в силе первоначальные Высочайшие предначертания»¹⁷ (т.е. решение о добавочных 300 тыс.). Глава правительства пообещал президенту сразу же сообщить о результатах своего доклада Николаю II.

Ясная Поляна была куплена правительством у наследников Л. Н. Толстого, и в 1921 году в ней был основан государственный музей-заповедник, имеющий огромное значение для мировой культуры.

Следует сказать несколько слов о том, что П. А. Столыпин вообще придавал значение давно назревшей в государственном масштабе проблеме сохранения памятников истории и культуры. Именно главе правительства принадлежала инициатива разработки Закона об охране памятников.

В мае 1908 года в качестве министра внутренних дел П. А. Столыпин распорядился активизировать деятельность Особой комиссии МВД «об охране древних памятников» (за четыре года существования Комиссии вопрос этот не удалось сдвинуть «с мертвой точки»).

На сей раз Комиссию возглавил один из ближайших сотрудников П. А. Столыпина, член Совета МВД И. Я. Гурлянд¹⁸.

На наш взгляд, вызывают большой интерес те предположения, которые были заложены Комиссией в проект нового закона (они во многом как бы опережали свое время). Так, предполагалось установление единой системы государственной охраны памятников; создание специального органа государственной власти, в ведении которого находилась бы эта деятельность. В проекте предполагалось также право государства на отчуждение, в случае необходимости, памятников, являвшихся частной собственностью или находившихся в собственности церквей.

П. А. Столыпин принимал непосредственное участие в разработке нового закона. Так, он считал необходимым при этом учесть передовой опыт западных стран в этом плане.

31 мая 1908 года П. А. Столыпин направил письмо министру иностранных дел А. П. Извольскому, в котором просил дипломатическую службу оказать содействие в получении конкретной информации об этом опыте.

Он указал, что Комиссия МВД ставит перед собой задачу «выработать основные положения нового закона об охране не только древних памятников и зданий, но и вообще об охране памятников старины в самом широком смысле этого слова и памятников, имеющих художественное значение».

В связи с этим, глава правительства и просил «выписать через посредство русских посольств за границу важнейшие образцы означенных Законодательств и препроводить таковые в МВД»¹⁹.

Только в октябре 1911 года, уже после гибели П. А. Столыпина, новый министр внутренних дел А. А. Макаров внес проект Закона на утверждение в Государственную Думу. По существовавшему порядку проект был передан на обсуждение сразу трем думским комиссиям: по народному образованию; по судебной реформе; бюджетной. Любопытно, что думские комиссии посчитали необходимым выразить свое принципиальное несогласие с рядом важных предложений проекта.

В частности, у депутатов встретили возражение статьи о праве государства на отчуждение памятников; о запрещении вывоза их за границу с целью продажи; о предоставлении императорской Археологической комиссии полномочий по надзору за раскопками, проводимыми в частных владениях и др.

Проект был возвращен на доработку в МВД и вновь был представлен в Думу только в 1913 году. Таким образом, обсуждение проекта неоправданно затянулось и было прервано в связи с началом Первой мировой войны. Возобновилось обсуждение проекта в Государственной Думе только в 1916 году, а принят Закон был уже после Февральской революции Временным правительством.

Отметим одну интересную деталь. Государственные научные учреждения, в том числе и академические, уже за несколько лет до принятия упомянутого закона де-факто признавали за Императорской Археологической комиссией право контроля и общего руководства проведением археологических раскопок. В архивных документах встречаются сведения о том, что они обращались в Археологическую комиссию с просьбами о выдаче

«открытых листов» на проведение раскопок, а после завершения работ представляли туда соответствующие отчеты.

Так, Археологическая комиссия в своем письме от 27 мая 1915 года в Музей антропологии и этнографии АН сообщала о том, что «корреспонденту музея учительнице истории В. М. Сиротиной оформлен открытый лист на право производства археологических раскопок в текущем году в Тверской губернии»²⁰. Одновременно с этим в письме предлагалось «отчет доставить в Комиссию не позже 1 января 1916 года, с возвращением открытого листа».

Возможно, что в сложившейся ситуации важную роль сыграло то обстоятельство, что Археологическая комиссия являлась структурным подразделением Министерства Императорского двора (то есть центрального органа власти и управления).

Первая мировая война нарушила многие созидательные планы российской науки. Хочется вспомнить об одном нереализованном академическом проекте по охране памятников истории и культуры.

В начале апреля 1914 года президент Академии побывал в Константинополе и посетил там Русский археологический институт. Во время этого посещения директор института академик Ф. И. Успенский обратился к президенту с несколькими просьбами об оказании помощи возглавляемому им учреждению. В частности, речь шла о том, чтобы просить правительство выделить дополнительные ассигнования для проведения институтом нескольких экспедиций по изучению сербских памятников христианства.

Ф. И. Успенским была подготовлена короткая «Записка», в которой обосновывалась необходимость проведения этих исследований. Федор Иванович указывал, что «в результате освободительной войны 1912–1913 гг. наиболее важные в археологическом отношении области перешли под власть сербов»²¹. Следовательно, более чем добрые отношения между Россией и Сербией открыли для российских ученых «новые научные перспективы» в исследовании этого «наущного вопроса в истории христианского искусства». В заключение ученый конкретизировал свою просьбу к правительству: «Выполнение намеченных задач могло бы вызвать расходы в течение трех лет по 5 000 руб. в год»²².

Константин Константинович возвратился в Россию, и ему представился случай лично доложить царю о нуждах Археологического института (вообще мы уже упоминали, что право доклада по делам Академии наук имел министр просвещения). Видимо, в данном случае президент использовал хорошо известный всем опытным чиновникам (администраторам) как дореволюционной, так и советской России прием: воспользовавшись хорошим настроением императора, он «вовремя» подал «Записку» для резолюции. И Николай II начертал прямо на документе синим карандашом: «Нахожу необходимым оказание Рус. археол. инст. в Царьграде просямой им скромной помощи»²³.

В тот же день, т. е. 11 апреля 1914 года, Константин Константинович отправил вице-президенту Академии наук П. В. Никитину добрую весть: «... прилагаю весьма меня радующие бумаги. Прошу Вас немедленно от моего имени сообщить министрам народного просвещения и финансов копии с Высочайшей пометки и известить Ф. И. Успенского»²⁴.

Но вскоре началась Первая мировая война, ставшая и началом новой эпохи, перечеркнувшей и эту, и многие другие царские резолюции, — страшной эпохи, выпавшей на долю России и ее народа.

Очень отчетливо позиция Академии наук в деле охраны памятников истории проявилась в экстремальных условиях Первой мировой войны.

Академика А. А. Шахматова начало войны застало в отпуске в Саратовской губернии. Уже 21 июля он отправил взволнованное письмо президенту Академии: «Сегодня я узнал об объявлении Германией нам войны... Не признаете ли Вы, Ваше Императорское Высочество, необходимым испросить Высочайшее повеление о перевезении в безопасные места между прочим следующих книжных и рукописных собраний...»²⁵. Далее в письме перечислялись: Почаевский монастырский архив и библиотека; Волынское епархиальное древлехранилище в Житомире; Архив и библиотека Луцкого католического монастыря; Музей Свято-Богородицкого Холмского братства; Соборный Свято-Симоновский архив в Бресте.

2 ноября 1914 года состоялось Общее собрание, на котором был обсужден доклад А. А. Шахматова об охране памятников, «находящихся в районе военных действий»²⁶. Прежде всего,

для этих целей собранием была создана специальная комиссия, в состав которой вошли 9 ученых: А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, В. М. Истрин и др. Было также принято решение командировать для выполнения этих задач уполномоченных Академии наук на оба фронта: Западный и Кавказский. Руководством Академии были приняты срочные меры по изысканию денежных средств на эти мероприятия.

Уполномоченным на Западный фронт был командирован Е. Ф. Шмурло. Нам удалось выявить сведения о том, что он успешно организовал работу по эвакуации ценных памятников из Львова. 14 марта 1915 года президент Академии наук отправил телеграмму командующему Юго-Западным фронтом генералу Н. И. Иванову, в которой благодарил «за ценное содействие, оказываемое военными властями» Е. Ф. Шмурло, и просил выделить в распоряжение уполномоченного «военный автомобиль с толковым солдатом-шофером»²⁷. По всей вероятности, просьба эта была удовлетворена, так как инициатор телеграммы Н. И. Иванову академик А. А. Шахматов вскоре написал президенту следующее: «Благодарю Вас за сообщение телеграммы Н. И. Иванова, весьма меня порадовавшей».

Одновременно с этим президент обратился к Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с просьбой разрешить командировку академику Ф. И. Успенскому в район боевых действий на Кавказском фронте, также с целью эвакуации памятников. От Верховного Главнокомандующего был получен благоприятный ответ, положивший начало весьма успешной миссии Ф. И. Успенского.

Позднее, летом 1916 года, на Кавказский фронт для охраны памятников была командирована еще группа ученых, в нее входили академик Н. Я. Марр, приват-доцент Петербургского университета П. А. Фалев, старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян. В сентябре 1916 года на одном из заседаний Историко-филологического отделения был заслушан и одобрен отчет о деятельности этой группы²⁸.

Уже накануне революции, в начале декабря 1916 года Академией было получено от начальника штаба Верховного Главнокомандующего еще одно разрешение на проведение работ «по

охране находящихся в сфере военных действий исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и пр.». Для выполнения этих мероприятий «в пределах завоеванных областей Австро-Венгрии, Подолии и Волыни» Академией командировались «статский советник Покрышкин, инженер Леонтович, художник-живописец Хотулев, уполномоченные от кружка Варшавского общества охраны древностей граф Грохольский и прапорщик Боравский и ученик Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств Удаленков». Группе предписывалось при «поездках в те или иные места испрашивать на посещение их в каждом случае разрешение штаба главнокомандующего армиями соответствующего фронта»²⁹.

Личное самое уважительное отношение президента Академии великого князя Константина Константиновича к истории, к документальным памятникам нашло свое отражение в его завещании, которое стало известным после смерти президента. На Общем собрании, проходившем 28 ноября 1915 года, рассматривался вопрос о судьбе его личного архива и было отмечено, что «для большей части этих материалов есть точные указания в завещании Великого князя»³⁰. Например, совершенно определенно указывалось, что в Пушкинский Дом должны поступить собрание автографов, переписка с писателями, рукописи трудов, перстень А. С. Пушкина, перо А. А. Фета и т. д. Дневник свой президент завещал хранить в Библиотеке Академии наук³¹. Константин Константинович, видимо, придавал весьма особую важность своему дневнику, так как в завещании сказано: «Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю право читать мой дневник в течение девяноста (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока по усмотрению Академии, но не иначе, как с благосоизволения царствующего Государя Императора и с согласия старейшего из прямых моих потомков, дневник мой частями или полностью может быть напечатан»³².

К сожалению, здесь не обошлось без неприятностей. Дело в том, что начало Первой мировой войны застало президента на лечении на одном из курортов Пруссии. Константину Константиновичу, естественно, пришлось немедленно прервать лечение, а по дипломатическим каналам удалось добиться того, чтобы немецкие власти разрешили ему перейти линию фронта для возвращения на родину. Событие это происходило невдалеке

от железнодорожной станции Гумбинен, причем несколько последних сотен метров великому князю пришлось пройти пешком под свист и улюлюканье немецких солдат. В момент перехода линии фронта у него германскими властями был отобран багаж, а вместе с ним осталась «предпоследняя тетрадь дневника» президента. (Отметим, что свой дневник Константин Константинович вел без перерыва с юношеского возраста.)

Как уже отмечалось, в ноябре 1915 года в Академии наук была начата работа по упорядочению оставшихся после смерти президента архивных материалов. Руководство Академии было обеспокоено пропажей такого важного документа, каким являлся дневник покойного президента. 8 января 1916 года неперемненным секретарем С. Ф. Ольденбургом было направлено письмо в Министерство иностранных дел России с просьбой принять меры дипломатического характера к тому, чтобы Академии была возвращена утраченная часть дневника. Министерство поручило Императорской миссии в Копенгагене «войти в сношение с Испанским посольством в Берлине, в видах разыскания и возвращения Императорской Академии наук предпоследней тетради дневника в Бозе почившего президента»³³.

Обо всем этом сообщил в своем письме от 17 сентября 1916 года неперемненному секретарю Академии товарищ министра иностранных дел В. А. Арцимович. К этому письму была приложена и копия ответной ноты Германского министерства иностранных дел от 26 августа 1916 года, где указывалось, что тетрадь великого князя, «вероятно, находится в архиве 1-го германского армейского корпуса и во время войны выдана быть не может»³⁴.

Прошло почти два года. Сегодня мы с достаточной полнотой представляем себе, сколь тяжелы они были для всей российской интеллигенции вообще и для нашей Академии наук в частности. Тем не менее, С. Ф. Ольденбург вновь предпринял попытку к возвращению дневника великого князя. В своем обращении от 17 июля 1918 года, направленном уже в Народный комиссариат по иностранным делам, он писал: «Конференция Академии просит комиссариат не отказать выяснить судьбу принадлежащей Академии тетради дневника ее покойного президента великого князя Константина Константиновича, которая была задержана германскими властями»³⁵.

Ответа не последовало. Это вполне понятно, так как наркомат в это время был озабочен и по горло занят решением проблем быстрого развития мировой революции. Ну, а внутри страны новые органы власти именно в эти дни в спешном порядке организовывали казни без всякого суда членов императорской фамилии. Вспомним, что именно в ночь на 17 июля была расстреляна в Екатеринбурге царская семья. Впрочем, к середине июля 1918 года академик С. Ф. Ольденбург, как и многие тысячи других представителей российской интеллигенции, не смог еще в полной мере «по достоинству» оценить всю глубину трагизма исторической ситуации, сложившейся в результате упрочения власти большевистской партии. Прозрение наступило позднее...

Несколько опережая ход событий, отметим, что и в самых тяжелых условиях наступившего вскоре революционного времени и гражданской войны Академия наук не прекращала своей благородной деятельности по сохранению национального культурного и исторического наследия.

После революции Российская Академия наук продолжала свою деятельность по сохранению и пропаганде памятников отечественной истории и культуры. Советским правительством был принят ряд законодательных актов, которыми были провозглашены новые подходы к проблеме охраны и использования историко-культурного наследия. Однако практическое претворение этих декретов центральной власти на широких просторах России было делом нелегким, и этот процесс нельзя оценивать однозначно. Разрыв между словом и делом был обусловлен трудностями гражданской войны и всемерным стремлением ускорить проведение в стране экономических, социальных и идеологических революционных преобразований. Так, ликвидация помещичьего землевладения нередко сопровождалась уничтожением усадебных архивов и библиотек или в лучшем случае их весьма пагубным распылением. Подобная картина часто наблюдалась и при ликвидации прежних сословных учреждений, в том числе дворянских, купеческих и др. Фронтальное наступление государства на церковь, объявленную одним из главных идеологических противников революционных преобразований, не могло не спровоцировать у большей части населения активно отрицательного отношения к церковным памятникам и,

в частности, к монастырским библиотекам и собраниям предметов искусства. Одной из объективных причин такого положения был и невысокий общий уровень культуры народных масс.

Академия наук в те трудные годы являлась одной из организаций системы Наркомпроса, которая неуклонно и настойчиво боролась за сохранение национального культурного наследия. В начале данной главы мы попытаемся рассмотреть лишь один аспект этой широкой работы — охрану документальных памятников. Нам удалось выявить в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН конкретный, фактический материал об этом. В практическом решении этих вопросов активную роль играл в то время ряд академических учреждений гуманитарного профиля: Библиотека, Пушкинский Дом, Азиатский музей, Археографическая комиссия (АК), Постоянная историческая комиссия (ПИК).

В условиях революционной коренной ломки старого общественного устройства часто приходилось в буквальном смысле спасать ценные комплексы документов от неминуемой гибели. В январе 1918 года в Академию обратились представители Петроградского дворянского собрания с просьбой в срочном порядке принять на хранение архив дворянства. В связи с ликвидацией сословных дворянских учреждений, возникла прямая угроза утраты архивных материалов, «представлявших, по отзывам многих историков и генеалогов, высокий научно-исторический интерес». Этот вопрос был обсужден 24 января на Общем собрании Академии под председательством академика А. П. Карпинского, и было принято решение выделить соответствующее помещение для документов и «поручить директору I Отделения Библиотеки принять соответствующие меры»³⁶.

В июне 1918 года подобным же образом был решен вопрос о принятии на хранение в Пушкинский Дом «Пушкинского отдела» ценной библиотеки ликвидированного Александровского лицея³⁷.

Далеко не случайным, на наш взгляд, стал тот факт, что в апреле 1918 года в Академию обратился Совет Союза российских архивных деятелей с заявлением, в котором указывалось, что на экстренном заседании при участии уполномоченного Совнаркома Петроградской коммуны Д. Б. Рязанова принято решение создать Совет по управлению архивами Петрограда, при этом указывалось на необходимость направить представителя

Академии для работы в этом органе. Этим представителем стал академик А. С. Лаппо-Данилевский³⁸. Следует отметить, что эти первые попытки централизации архивного дела в Петрограде происходили при активном участии Академии наук еще до появления известного декрета Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела».

В те годы для личных архивов еще чаще возникала угроза гибели. В ноябре 1918 года в Академию поступило сообщение о том, что известный исследователь истории Финляндии (его фундаментальная «История Финляндии» была удостоена академической Уваровской премии), член Русского исторического общества М. М. Бородин арестован и содержится в «Крестах», а его квартира (ул. Глинки, 15) «с весьма ценной научной его библиотекой и архивом подверглась разгрому». М. М. Бородин в течение 40 лет служил, в меру своих сил, русской науке, и вот после ареста он, 70-летний старик, «лишился всего своего имущества, оставшись даже без платья и без белья». Общим собранием Академии было сразу же направлено ходатайство наркому просвещения А. В. Луначарскому «об освобождении ученого и об охране его научного имущества»³⁹.

А вот другой, не менее потрясающий пример. В марте 1920 года академик Ф. И. Успенский обратился за помощью к Общему собранию Академии. Ученый заявил, что временно занимаемая им квартира академика В. И. Вернадского⁴⁰ уже несколько раз «подвергалась погрому». Как выяснилось, это «работала» Комиссия по национализации имущества В. И. Вернадского, при этом взламывались все ящики и сундуки, все их содержимое переносилось в «особые корзины» и печатывалось. Далее почтенный ученый поведал высокому собранию о том, что «по ошибке или по излишней ревности в опись попали и его собственные драгоценные рукописи», и попросил предпринять «хотя бы некоторые меры, дабы дать ему покой в скромном помещении из двух комнат». Председательствующий на Общем собрании вице-президент академик В. А. Стеклов пообещал сделать «возможное для облегчения положения Ф. И. Успенского», но присовокупил, что «сделать можно очень мало»⁴¹.

Иногда ученым приходилось принимать самые незамедлительные меры по спасению документальных памятников. Так, в апреле 1920 года руководство Академии организовало спасение

ценных материалов личных архивов Шуваловых и Воронцовых, находящихся в доме № 10 по ул. Моховой, так как там в спешном порядке был размещен военный госпиталь. Академик А. А. Шахматов произвел обследование материалов прямо на месте и доставил книги и рукописи в Библиотеку АН и Пушкинский Дом⁴².

Активную роль в спасении культурных ценностей играл старший научный хранитель Пушкинского Дома, член-корреспондент Академии Б. Л. Модзалевский. В мае 1920 года по его инициативе было организовано спасение ценных книг в связи с ликвидацией известного книжного магазина и склада Тузова в Гостином дворе (местные власти дали команду все «вредные книги» отправлять в переработку на бумагу)⁴³. В ноябре того же года Б. Л. Модзалевский провел обследование комплекса архивных материалов, находившихся в Мраморном дворце, принадлежавшем до революции бывшему президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу⁴⁴. В соответствии с его заключением Академия наук обратилась к Академии истории материальной культуры с просьбой о передаче целого ряда документов. В их числе — рукописное наследие князя Олега Константиновича, документы барона Г. В. Розена, генерала А. П. Ермолова и др.⁴⁵

На одном из заседаний Общего собрания Академии в феврале 1922 года непреременный секретарь академик С. Ф. Ольденбург доложил о срочных мерах, предпринятых руководством Академии по спасению библиотеки Феофана Прокоповича из бывшей Новгородской духовной семинарии. Дело в том, что Новгородский губернский отдел народного образования дал распоряжение «об уничтожении книг богословского содержания». Академией сразу же были даны соответствующие телеграммы в Новгородский губисполком, Губоно и Наркомпрос. Через несколько дней из Новгорода было получено сообщение о том, что библиотека передана в ведение местного Института народного образования и «бдительно охраняется». Общее собрание Академии в ответ на это с большим тактом и сугубо российской интеллигентностью постановило: «Благодарить Новгородский губернский отдел народного образования»⁴⁶.

Академии наук гораздо сложнее было выполнять свою благородную миссию по охране документальных памятников, когда

дело касалось отдаленных от городов мест, «глухой провинции», а там также остро нуждались «в помощи» архивы и библиотеки многих погибающих усадеб, этих до сих пор по-настоящему не изученных и по достоинству не оцененных «культурных гнезд».

Б. Л. Модзалевский в октябре 1918 года сообщил непременно секретарю С. Ф. Ольденбургу о том, что в Надбелье, близ станции Оредеж Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, создалась реальная угроза гибели библиотеки и архива П. Я. Дашкова, имеющих «общерусское значение». Его дом «подвергся страшному разгрому, так что долгое время вся усадьба была засыпана клочьями разорванных и разбросанных рукописей замечательного Дашковского собрания». Впрочем, стало известно, что «кое-что еще можно спасти для науки». Вопрос этот в срочном порядке обсуждался на заседании Отделения русского языка и словесности Академии под председательством А. А. Шахматова. Было решено просить местного краеведа П. А. Брюна срочно провести обследование Дашковского собрания, ассигновать ему на эту цель 300 руб., одновременно было решено обратиться в Лужский Совдеп с просьбой об охране дома, а просьбу эту подкрепить обращением к наркому просвещения⁴⁷.

Несколько позднее Академией наук был выдан охранный лист члену-корреспонденту Академии О. А. Федченко и возбуждено ходатайство перед Наркомземом об охране организованного ею ботанического сада, архива и библиотеки, находящихся в ее доме в Можайском уезде Московской губернии. Дело заключалось в следующем: Совет Борисовской волости Можайского уезда «предложил О. А. Федченко в 24 часа выехать из имения», а затем явились посланные от волостного Совета (никаких документов они не предъявили) и увезли на шести возах архив, часть библиотеки и другое имущество. Академия просила Наркомзем «оказать содействие к возвращению отобранных документов, книг и имущества»⁴⁸.

В начале 1919 года Академией были предприняты срочные меры по спасению архива почетного члена Академии наук П. С. Таганцева, у которого комбед Доркской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии описал документы и книги «в числе другой движимости» (хотя само имение по личной просьбе П. С. Таганцева уже было взято в государственную собственность). Руководители

Академии и на этот раз применили, пожалуй, единственную доступную им меру «социальной защиты» — обратились за помощью в Наркомпрос и к управляющему делами СНК Н. П. Горбунову⁴⁹. Подобные примеры можно было бы продолжить.

Как уже упоминалось выше, Постоянная историческая комиссия Академии под председательством академика С. Ф. Платонова систематически проводила работу по охране архивных материалов; делались с ее стороны и попытки координации этой работы как внутри академической системы, так и при взаимодействии с учреждениями других ведомств. В состав комиссии входили авторитетные ученые: С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Ф. И. Успенский и др. В отчете комиссии за 1921 год, в частности, говорилось о том, что она «координирует работы и мероприятия по собиранию, систематизации и охране памятников письменности, исторических документов и материалов и руководит подготовкой ученых-специалистов по археографии»⁵⁰.

В июле 1922 года на заседании Историко-филологического отделения Академии наук был заслушан доклад другой академической комиссии — Археографической — о деятельности в этом же направлении. В частности, указывалось, что комиссией спасен и уже доставлен в Петроград ценный архив бывшего Александро-Свирского монастыря, в том числе приходо-расходные книги XVII века (в количестве 156 шт.), Столбцы XVI–XVII веков (600 шт.), книги таможи монастыря XVII века (28 шт.) и многое другое⁵¹.

В тяжелейших условиях разрухи, голода, перебоев в работе транспорта российские ученые, не считаясь ни с какими трудностями, выезжали «на места», в самые дальние уголки страны с целью охраны памятников культуры, являясь при этом как бы эмиссарами Академии наук.

В июле 1918 года академик Я. И. Смирнов проводил изучение архива и библиотеки в Николаевском Песношском монастыре Дмитровского уезда Московской губернии⁵².

В ноябре того же года академик В. Н. Перетц прислал непременно секретарю С. Ф. Ольденбургу письмо из Самары, в нем говорилось о той научной и общественно-организационной работе, которую проводил в это время ученый в городе на Волге. Позволим себе процитировать небольшую часть этого документа:

«Описываю древние рукописи местных библиотек, работаю — и немало — в качестве председателя Комиссии по охране культурных ценностей (бесплатно) и успел за 2 недели спасти 10 библиотек, а остается их еще около 100! Среди них есть такие, как Юрия Самарина!»⁵³ Думается, что нет необходимости комментировать эти строки.

В августе 1919 года профессор А. Н. Самойлович был командирован Академией на три недели в Казань и другие приволжские города для сбора «произведений мусульманской и иной иноязычной печати».

Необходимо отметить, что в первые годы революции положение дел с обеспечением сохранности архивных документов оставалось крайне тревожным и в самих центрах страны — в Москве и Петрограде. В этом плане весьма показательным является доклад, сделанный академиком С. Ф. Платоновым на Общем собрании Академии в январе 1922 года. На сей раз угрожающее положение сложилось даже в самых важных архивах страны, в связи с резким сокращением штатов и бюджетных ассигнований. В докладе, в частности, указывалось, что в Московском архиве юстиции (в нем хранилось несколько миллионов дел) осталось 5 человек штатных работников. В Петроградском государственном архиве осталось 2 штатных работника (это сам С. Ф. Платонов с помощницей) и в Петроградском архиве иностранных дел также осталось 2 человека (С. К. Богоявленский с помощником). Кроме того, в штат обоих архивов тогда еще входили «два старика-сторожа, отрывааемых разными другими делами и поручениями». По докладу ученого Общим собранием Академии было постановлено: «Заявить соответствующим органам власти о совершенной недопустимости сокращения штатов архивных учреждений в размерах, угрожающих гибелью архивных фондов»⁵⁴.

В документах Российского государственного исторического архива нами были выявлены дополнительные сведения, подтверждающие всю сложность положения со штатным обеспечением госархивов в то время. Так, к концу гражданской войны необходимость приема на госхранение архивов многочисленных ликвидированных учреждений Петрограда и Петроградской губернии стала острой и самой неотложной. Коллегия Петроградского

отделения Центрархива (одним из ее членов был академик С. Ф. Платонов) предпринимала поистине героические усилия, чтобы добиться и от Центра, и у Губисполкома ассигнований для создания Губархива, который должен был бы организовать всю работу по комплектованию и хранению огромного массива архивных документов местных учреждений. И, наконец, 15 ноября 1921 года постановлением Коллегии был образован Петрогубархив «в составе заведующего, 2 инструкторов и секретаря»⁵⁵.

Вполне понятно, что успешное комплектование фондов академических учреждений документальными памятниками в те трудные годы имело особый смысл, так как тем самым многие памятники были спасены от гибели или от продажи за границу. В годовых отчетах упомянутых нами выше учреждений содержатся подробные сведения об этом. Позволим себе для того, чтобы проиллюстрировать этот род деятельности, привести отдельные выдержки из отчетов учреждений Академии наук.

В отчете Рукописного отделения Библиотеки АН читаем: «Несмотря на тяжелые обстоятельства переживаемого нами времени, Рукописному отделению в 1919 г., как и в минувшем 1918 г., удалось значительно увеличить свои собрания». На первом месте в ряду новых поступлений стояла часть знаменитого собрания покойного П. Я. Дашкова, в которое входили архивы графа П. А. Валужева, князя В. В. Голицына, князя Г. А. Потемкина-Таврического, графа А. А. Аракчеева и многих других. Второе, не менее богатое по количеству рукописей собрание — это чудом спасенный от уничтожения архив Кредитной канцелярии Министерства финансов⁵⁶.

Еще одна часть собрания П. Я. Дашкова поступила в Рукописное отделение Пушкинского Дома — это 525 «переплетенных томов», коллекция отдельных автографов известных деятелей культуры, «состоящая из многих тысяч номеров», и пр.⁵⁷

В отчете Пушкинского Дома за 1923 год говорится, что Рукописное отделение пополнилось собранием рукописей А. С. Пушкина, завещанных Дому покойным президентом Академии великим князем Константином Константиновичем (12 автографов и альбом Ю. Н. Бартенева), большим собранием автографов, принадлежавшим М. И. Семевскому (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен) и многим другим⁵⁸.

После Октябрьской революции 1917 года начались радикальные преобразования в организации архивного дела на территории Советской республики. Декретом Совнаркома РСФСР от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела» были созданы Единый государственный архивный фонд (далее — ЕГАФ), Государственная Архивная служба, были заложены и другие принципиальные основы архивного дела.

Дальнейшее развитие эти принципы получили в декрете Советского правительства от 31 марта 1919 года «О хранении и уничтожении архивных дел».

Однако упомянутые важные правительственные акты закладывали только самые основополагающие принципы организации архивного дела. Российским историкам-архивистам предстояло теперь провести большую научно-исследовательскую и методическую работу уже непосредственно в области теории и практики архивного дела, необходимо было проанализировать и обобщить опыт деятельности прошлых поколений отечественных архивистов. В частности, имелась настоятельная потребность разработки конкретных положений организации Архивной службы, проведения комплектования фондов, учета архивных материалов, экспертизы их ценности, создания к ним научно-справочного аппарата, публикации документальных источников и др.

Следовало определиться и, наконец, сформулировать такие понятия, как «архивный фонд», «опись архивных материалов», «единица хранения» и др.

Многие историки-архивисты считали вполне прогрессивными те преобразования в архивном деле, которые были декларативно провозглашены Советской властью. Они искренне верили в возможность плодотворного сотрудничества с новой властью, проявляя при этом лучшие качества отечественной интеллигенции, такие, как патриотизм, стремление к просвещению народа, верность высоким нравственным идеалам и своему профессиональному долгу.

Полагаем, что история организации и деятельности «Кружка архивных работников» в Петрограде в первые годы революции является одним из интересных моментов этого процесса.

Организаторами и идейными вдохновителями «Кружка» стали уже достаточно известные в то время в России представители отечественной науки и культуры. Андреев А. И., историк,

археограф, ученый секретарь Постоянной исторической комиссии Академии наук; Князев Г. А., историк-архивист, впоследствии много лет возглавлявший Архив Академии наук; Лебедев А. И., историк флота, начальник Морского архива; Измайлов Н. В., историк литературы, ученый хранитель рукописей Пушкинского Дома и др.

Собрания «Кружка» чаще всего проходили в здании Петроградского отдела Центрархива (Екатерингофский пр-т, 49, в помещении 1-го отделения IV секции ЕГАФ).

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся протоколы собраний «Кружка». Всего сохранилось 68 протоколов за период с 14 июня 1920 года по 18 апреля 1924, общим объемом 212 листов. Все документы представляют из себя машинописные тексты. Часть из них является «угасающими», поэтому представляет трудность при прочтении.

Первое собрание «Кружка» состоялось 14 июня 1920 года. Открывая это собрание, А. И. Лебедев, в частности, указал на то, что является актуальным «вопрос о более тесном сближении архивных работников для совместной разработки технических вопросов архивоведения, разрешения возникающих сомнений и выработки принципов правильной постановки архивов»⁵⁹.

На этом же собрании было решено просить А. И. Андреева принять на себя «постоянное председательствование» на заседаниях «Кружка» и «руководство направлением его текущей жизни.

Отметим, что в выступлении Г. А. Князева было предложено на собраниях «Кружка», в первую очередь, обсуждать вопросы архивной терминологии.

С самого начала своей организации «Кружок» старался координировать свою деятельность с работой государственных органов управления архивным делом, его активисты стремились внести свой вклад в решение актуальных вопросов теории и практики архивного дела. Так, на собрании «Кружка» 15 ноября 1920 года обсуждалось предложение представителя Главархива А. С. Николаева «взяться за составление проекта правил об описях и описаниях»⁶⁰ и было постановлено начать эту работу.

На собрании «Кружка», состоявшемся 16 июня 1921 года, были подведены основные итоги его деятельности за год. При этом было отмечено, что на заседаниях обсуждались в качестве «ближайших неотложных задач» вопросы разработки «архивной

терминологии», вырабатывались «наиболее правильные способы размещения, хранения, нумерации дел», «приемы составления описей и описания» и др.⁶¹

На наш взгляд, важным являлось то обстоятельство, что историкам-архивистам удалось заложить важные основы архивной терминологии. Так, были выработаны конкретные определения таких терминов, как «архивный материал», «фонд», «простейшая единица архивного материала» или «архивный документ», «опись», «дело» и др.

Кроме того, на собраниях в течение года был обсужден ряд научных докладов. Назовем некоторые из них: «Об разграничении функций библиотеки и архива», «О проекте объединения археографических учреждений», «О журнале “Вестник археологии и археографии”», «Об архиве Финляндского статс-секретариата» и др.

Следует сказать еще и о том, что сам «Кружок» имел только частный характер и не был «зарегистрирован ни при каком учреждении».

Думаем, что для исследователей представляет интерес инициатива, с которой выступил на заседании 16 июня 1921 года А. И. Лебедев. Он предложил присвоить кружку «высокоавторитетное имя академика А. С. Лаппо-Данилевского». А. И. Лебедев сказал по этому поводу следующее: «Круг вопросов, который нас объединил, приводит невольно на память А. С. Лаппо-Данилевского, который один из первых горячо откликнулся на них»⁶².

А. И. Андреев поддержал предложение А. И. Лебедева, отметив при этом, что «А. С. Лаппо-Данилевский всецело шел на встречу архивному строительству». Заметим, что данное предложение у участников собрания «встретило полное единодушие».

Документы «Кружка» свидетельствуют и о том, что научная общественность, специалисты проявляли интерес к результатам его деятельности. Так, в обсуждении отдельных наиболее важных вопросов принимали участие академики С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, член-корреспондент Академии наук В. Г. Дружинин, профессора А. Е. Пресняков, В. К. Лукомский и др.⁶³

Протоколы собрания «Кружка» говорят и том, что со временем расширился круг обсуждаемых на них вопросов, одновременно с этим повышался уровень их профессиональной и научно-методической сложности.

Для примера, расскажем о нескольких положениях, которые обсуждались на заседании 27 апреля 1922 года по докладу А. И. Лебедева «Об учете архивных материалов, подлежащих приемке в Архивы». Так, в докладе говорилось о важности улучшения работы «Научно-статистического отдела» Главархива. В частности, указывалось на необходимость осуществления «живой, постоянной связи с отделениями ЕГАФ» (т. е. с архивами. — В. С.). Подчас, на деле происходила подмена этой связи «анкетным способом работы». Однако, как отмечал докладчик, «ни одна из произведенных до сего времени архивных анкет не дала полной картины хранящихся в Архивах материалов»⁶⁴.

Другой вопрос, поставленный в докладе А. И. Лебедева, на наш взгляд, совершенно не утратил своей актуальности и в наши дни.

Докладчик сказал, что «перед отделениями ЕГАФ (т. е. перед архивами. — В. С.) стояла и стоит основная задача охраны и спасения того материала, который в Архивы еще не поступил, а находится еще в учреждениях»⁶⁵. В связи с этим, А. И. Лебедев предлагал «вести точный учет всего этого материала, заботиться об охране его на местах и требовать сдачи его в Архивы».

Выше уже упоминалось о том, что по многим профессиональным и методическим вопросам позиции членов «Кружка» совпадали с мнением тогдашнего руководства государственных органов управления архивным делом. Поэтому, на наш взгляд, совершенно логичным было то обстоятельство, что представители Главархива неоднократно предлагали основные результаты деятельности «Кружка», в виде статей, публиковать в профессиональных научных периодических изданиях таких, как журнал «Архивное дело»

Как уже отмечалось выше, последний протокол собрания «Кружка», из хранящихся в Архиве РАН, датирован 18 апреля 1924 года. Нам пока не удалось, к сожалению, выявить более поздних документов этой самостоятельной общественной научной организации российских архивистов.

Тем не менее, мы полагаем, что и выявленные нами сведения позволяют считать деятельность петроградского «Кружка архивных работников» заметным событием в истории архивного дела в России.

Думается, что приведенный нами фактический материал со всей убедительностью свидетельствует о той значительной роли,

которую сыграла Академия в деле сохранения документальных памятников в первые годы Советской власти.

Большую и важную работу в деле сохранения памятников истории культуры проводили музеи Российской Академии наук. К моменту Октябрьской революции в систему Академии наук входило всего пять музеев. Но это были старейшие и очень авторитетные музейные учреждения страны, своего рода всероссийские научно-методические центры.

Дадим краткую характеристику каждому из них⁶⁶. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого (МАЭ) являлся одним из лучших мировых музеев общечеловеческой культуры и единственным в стране. Зародился он в недрах знаменитой Кунсткамеры, датой его основания следует считать 1714 год. В качестве самостоятельного музея выделился из Кунсткамеры в 1837 году. В экспозициях музея были представлены типы культур народов мира, процесс их эволюции, типология культуры. В первые годы революции для посетителей были открыты экспозиции 12 отделов (в скобках — количество экспонатов): Антропологический (4 000), Доисторической археологии (30 000), Древностей Восточного и Западного Туркестана (10 520), Севера Европы и Азии (15 973), Передней и Средней Азии (3 625), Дальнего Востока (18 600), Индии (6 000), Индонезии (4 500), Океании и Австралии (6 260), Африки (6 000), Южной и Средней Америки (7 000), Северной Америки (3 442). Всего в основном фонде музея насчитывалось более 100 тыс предметов (около 3 000 коллекций). Кроме того, был Отдел изображений (это 48 тыс фотографий и 17 195 негативов), фотолаборатория, Петровская галерея⁶⁷. Экспозиции были «открыты для публики» 4 дня в неделю. Библиотека МАЭ насчитывала 10 тыс томов.

Начало Зоологическому музею (ЗМ) следует искать также в Петровской Кунсткамере. Самостоятельным он стал в 1832 году. В музее были отделы: млекопитающих, орнитологии, геронтологии, ихтиологии, энтомологии и шесть отделов беспозвоночных. Основной фонд ЗМ составляли коллекции общим числом около 3 млн экз. (в т. ч. свыше 150 тыс. «экземпляров позвоночных»). Музей решал задачи изучения и популяризации зоологии, в особенности фауны нашей страны и сопредельных государств, распространения сведений по зоологии среди широких слоев

населения. Экспозиции были открыты для посещения 5 дней в неделю. При музее были созданы лаборатории: техническая и энтомологическая. Библиотека ЗМ насчитывала 35 тыс. томов.

Ботанический музей (БМ) основан в 1835 году, когда ботанические коллекции были выделены из Кунсткамеры. Музей занимался систематикой растений и ботанической географией. К началу 1920-х годов в его коллекциях имелись гербарии многих регионов земного шара, особенно полно была представлена флора нашей страны. Музей был открыт ежедневно «для занятий с разрешения дирекции». В библиотеке БМ было 19 360 томов.

Азиатский музей (АМ), основанный в 1818 году, по праву считался одним из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности. АМ собирал всю литературу по востоковедению на европейских и восточных языках, его собрание содержало до 50 тыс томов.

Музей имел следующую структуру: Общий отдел (книги на европейских языках), Азиатский архив (бумаги русских востоковедов), Восточные рукописи и книги, Нумизматика, эпиграфика, археология. АМ «для занятий» был открыт ежедневно.

Собрания Кунсткамеры положили основание и Геологическому и минералогическому музею имени императора Петра Великого (ГММ). Музей занимался собиранием материалов по геологии с целью их научной обработки и популяризации геологических знаний. Кроме того, велись исследования месторождений минералов и полезных ископаемых в стране и сбор соответствующих коллекций. В ГММ были отделы: геологический, минералогический, палеонтологический, кристаллографический; лаборатории: радиевая и химическая.

В Геологическом отделе насчитывалось 1 500 коллекций, заключающих в себе до 2 млн образцов. В Минералогический отдел входили коллекции метеоритов, кристаллов, драгоценных камней, «генезиса минералов».

К моменту революции ГММ был, «за недостатком помещения, для публики закрыт».

Кроме упомянутых пяти музеев при Академии наук имелся еще Русский нумизматический кабинет, основанный в 1721 году, закрытый для свободного посещения.

За первое послереволюционное десятилетие сеть академических музеев не претерпела больших изменений. Нам остается отметить лишь те немногие, которые произошли за эти годы. В 1925 году ГММ был разделен на два самостоятельных музея: Геологический музей (ГМ) и Минералогический музей (ММ), Академией были предоставлены им отдельные помещения. В том же 1925 году в ведение Академии наук от Ленинградского университета перешел Музей палеографии (МУП), в основу которого легла уникальная коллекция рукописей и книг академика Н. П. Лихачева; в музее были постоянные выставки, и он был открыт для посетителей.

С середины 1920-х годов был открыт для посещения (дня в неделю) Музей Пушкинского Дома с экспозициями «Пушкин и его современники», «Лермонтов», «Русская литература от Гоголя до начала XX в.». В ведении этого музея находилась и последняя квартира А. С. Пушкина (набережная Мойки, 12), где в то время экспозиции еще не было, а проводились научные собрания.

Активизировал свою работу Толстовский музей, находящийся при Библиотеке Академии наук (начало ему было положено еще в 1911 году). Музею было выделено помещение, его собрание достигало 15 тыс. предметов, связанных с жизнью и деятельностью Л. Н. Толстого. Для посещения он был открыт 4 дня в неделю.

При Почвенном институте им. В. В. Докучаева был организован Почвенный музей, единственный тогда в своем роде музей в мире.

Общее организационное и научное руководство, контроль деятельности музеев осуществлялись Отделением исторических наук и филологии и Физико-математическим отделением Академии наук, в зависимости от научного профиля музея. На заседаниях отделений коллегиально решались многие вопросы работы музейных учреждений. Наиболее важные вопросы выносились на заседания Общего собрания Академии, там же происходили путем голосования выборы директоров и других ответственных музейных работников. Непосредственное руководство повседневной деятельностью музеев возлагалось на их дирекции и Советы музеев. (Советы музеев — коллегиальные органы, в которые входили, как правило, ведущие специалисты, возглавлялись они директорами музеев). Финансировалась работа музеев по сметам Академии наук.

Музеи занимали важное место в системе академических учреждений. Руководство Академии наук придавало большое значение их деятельности, особенно в плане продолжения вековых традиций Академии в деле сохранения культурных ценностей. Директорами музеев в разные годы рассматриваемого периода на Общих собраниях Академии наук избирались ученые с мировыми именами: академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, Е. Ф. Карский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Н. П. Лихачев, Н. В. Насонов, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и др.

Такое положение музеев определялось еще и тем, что в тогдашней системе академических учреждений достаточно велик был удельный вес музеев. Так, за 1926 год руководству Академии представили отчеты всего 20 академических учреждений, в их числе 7 музейных⁶⁸. Напомним, что в общее число входили еще и такие гуманитарные учреждения, как Архив, Библиотека, Пушкинский Дом, Яфетический институт, Кавказский историко-археологический институт⁶⁹.

На наш взгляд, далеко не случайным стал тот факт, что в «Записке русских ученых о необходимых мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы», направленной весной 1920 года в Советское правительство, говорилось о необходимости дальнейшего развития музейного дела в Академии для просвещения «неподготовленных кругов народа», о роли музеев в спасении и охране «культурных ценностей страны»⁷⁰.

Одной из главных задач музейных учреждений была и остается работа по комплектованию своих фондов, обеспечению сохранности памятников истории и культуры. Академические музеи в первые годы Советской власти проводили эту работу настойчиво и целенаправленно.

Нам удалось выявить интересные обобщенные сведения, характеризующие динамику новых поступлений в Музей антропологии и этнографии⁷¹.

Год	Количество поступлений
1913 г.	9702
1917 г.	4260
1918 г.	1961
1919 г.	1621

Год	Количество поступлений
1920 г.	826
1921 г.	699
1922 г.	2805
1923 г.	11007
1924 г.	4457
1925 г.	7906
1926 г.	13988

Приведенные данные иллюстрируют значительный спад количества новых поступлений к концу гражданской войны, что вполне объяснимо, и отражают неуклонный рост поступлений в послевоенные годы. Всего же основной фонд МАЭ вырос с 158 000 предметов в 1918 году до 191 110 предметов в 1927 году⁷².

Архивные документы сохранили и более подробное описание того, чем комплектовались музейные фонды в те годы. Так, среди поступлений МАЭ 1920 года была коллекция Хотанских древностей, результат археологических раскопок в Восточном Туркестане (151 предмет), коллекция бытовых вещей из Индии, Китая, Японии (159 предметов), ряд вещей с острова Фиджи, в их числе нефритовый топор, удочки и пр.⁷³ В поступлениях МАЭ за 1922 год были коллекции культовых деревянных изображений (человека, песка, гагары и др.), собранные С. Г. Пархоменко на побережье Северного Ледовитого океана, в устье Лены, персидские амулеты из бирюзы и сердолика, фрагменты буддийских статуй из песчаника из Туркестана и многое другое⁷⁴.

Существенный вклад в комплектование музейных фондов вносили корреспонденты, энтузиасты, проживавшие порой в самых отдаленных регионах страны. Так, «многолетний сотрудник» МАЭ В. А. Анохин проживал на территории нынешнего Алтайского края и собирал для музея ценный научный материал по быту, языку, верованиям и фольклору алтайцев.

В марте 1922 года он сообщил руководству МАЭ о необходимости срочной его командировки в Бийский и Кузнецкий уезды региона. Эта срочность была продиктована теми событиями, которые происходили на этой окраине России. В. А. Анохин сообщал о том, что, де-факто, гражданская война в крае продолжается, поэтому многие семьи южных алтайцев уходят на жительство за

пределы России, при этом они вынуждены бросить, то есть оставить без всякого надзора часть своего имущества и очень многие этнографические памятники — предметы повседневной жизни и быта просто погибают⁷⁵. Корреспондент МАЭ предполагал использовать летние месяцы для спасения этих памятников для последующей передачи музею.

Дирекцией МАЭ было немедленно направлено В. А. Анохину соответствующее командировочное удостоверение, а также соответствующий «мандат», адресованный Сибирскому ревкому и местным уисполкомам, с просьбой оказать содействие в проведении научной экспедиции.

Приведем еще один пример. Другой постоянный корреспондент МАЭ, Д. И. Травин, являлся сотрудником Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ РСФСР. Летом 1921 года он, работая в составе Печерского отряда экспедиции, собрал более 600 предметов по этнографии этого края и всю коллекцию передал МАЭ⁷⁶.

Летом 1920 года Зоологический музей при содействии Наркопса предпринимал энергичные меры к спасению и передаче в свои фонды ряда ценных собраний: лепидоптиерологической коллекции⁷⁷ В. Н. Веселовского из его бывшего имения Рябово Петроградской губернии, энтомологических коллекций⁷⁸ В. А. Кизерицкого из Петроградского реального училища, энтомологической коллекции С. Н. Радионова из Иркутска и др.⁷⁹

Сотрудники Азиатского музея также энергично проводили работу по пополнению своих фондов. Вот какова динамика новых поступлений музея за первые годы революции⁸⁰.

Год	Количество поступлений
1918 г.	1161
1919 г.	1604
1920 г.	4104
1921 г.	1991
1922 г.	1374
1923 г.	1469

Можем назвать наиболее ценные приобретения АМ тех лет: в 1918 году — рукописные собрания академиков В. Р. Розена (156 номеров) и В. В. Радлова (50 номеров); в 1919 — библиотека

академика К. Г. Залемана (910 номеров); в 1920 — библиотеки члена-корреспондента О. Э. Лемма (1 033 номера) и академика Б. А. Тураева (2 262 номера); в 1921 — собрания, приобретенные академиком Ф. И. Щербатским в Лондоне (1 113 номеров)⁸¹ и др.

Активно велось комплектование фондов Геологического и минералогического музея. Так, в 1921 году в него поступили коллекции минералов Хибинской экспедиции (2 000 образцов: шпаты, целолиты, апатит и пр.), главколит и лазурит из Забайкалья, амазонит с Ильменских гор, топазы из Монголии и т. д.⁸²

В октябре 1924 года академик А. Е. Ферсман, в то время директор ГММ, писал в одной из своих «Записок», направленных руководству Академии наук: «За 6 лет музей пополнился 9 крупнейшими научными собраниями: Иосса, Романовского, Строганова, Балашева, Норпе, Фаберже, Верфеля, Юферова и коллекцией бывшего «Кабинета»» (это более 30 тыс образцов)⁸³.

Подобных примеров можно было бы привести много. Комплектование музейных фондов в первые годы революции проводилось в тяжелейших условиях разрухи на путях сообщения и в связи, в условиях политики военного коммунизма, при отмене товарно-денежных отношений в стране, т. е. комплектование обес-печивалось только энтузиазмом музейных работников и помощью многочисленного актива на местах. Случалось и так, что уже собранные коллекции просто не удавалось вывезти и доставить в музей. Например, в течение 1920–1922 годов МАЭ предпринимал все возможные меры, увенчавшиеся успехом, к тому, чтобы вывезти 200 ящиков коллекций экспедиции в Индию Г. Х. Мерварта, 3 000 предметов каменной и костяной индустрии (палеолитическая стоянка), собранных Б. Э. Петри на Байкале, этнографической коллекции, добытой С. М. Широкогоровым на Амуре⁸⁴.

Академические музеи постоянно организовывали и проводили экспедиции по сбору вещественных памятников в самых далеких уголках страны. Следует отметить, что с окончанием гражданской войны и восстановлением нормальных условий мирного времени количество научных экспедиций и их эффективность неуклонно возрастали. Так, за 1924–1927 годы МАЭ организовал силами своих сотрудников 17 экспедиций в различные регионы: Приуралье, Чувашскую АССР, Томскую губернию, Ферганскую и Амурскую области и т. д. Продолжительность этих экспедиций составляла от 1 до 7 месяцев⁸⁵.

Весной 1920 года был предпринят ряд экспедиций сотрудников ЗМ: Н. М. Тюлин выезжал в низовье Волги для сбора птиц, Е. К. Боброва — в Баку для сбора животных, С. М. Пергамент — в Саратовскую губернию по сбору жесткокрылых и т. д.⁸⁶ В марте 1920 года дирекция ЗМ обратилась в Петроградский отдел народного образования с просьбой выделить простейшее оборудование и продовольствие для того, чтобы открыть Зоологическую станцию на Сестрорецком побережье Финского залива, так как была «пора возобновлять экскурсионные работы своих сотрудников»⁸⁷.

Наше внимание привлек один любопытный документ — «Отчет по сбору естественно-исторических коллекций, произведенному в 1920 г. Гидрографической экспедицией Восточного океана», сохранившийся в архивном фонде ЗМ⁸⁸. Небольшая экспедиция под руководством А. Покровского летом 1920 года на транспортном корабле «Охотск» вела сбор коллекций и научные наблюдения, продвигаясь вдоль восточного побережья Камчатки. «Охотск» был старым, уже списанным судном, но на нем удалось оборудовать каюту-лабораторию, где проводилось «консервирование» добытых тралом животных, снятие шкур и набивка чучел. В распоряжении экспедиции были три трала: «Бимтрал», «Большой Сигзби» и «Малый китайский». Кроме того, попутно собирались гербарии и велись научные наблюдения за температурой и удельным весом воды, воздушными потоками и т. д. В целом «Отчет» может стать основой для захватывающего приключенческого рассказа — о том, как в сложнейших условиях «Охотск» пересек Японское и Охотское моря, как встретило отважных ученых побережье Камчатки, как попутно была еще оказана помощь вспомогательному крейсеру «Командор Беринг», который потерпел аварию (к отчету приложена и фотография полузатонувшего «Беринга»). За время этой экспедиции было собрано 430 экз. растений (200 видов), 22 шкурки животных, 37 образцов горных пород и др. В стране еще полыхала гражданская война, но многие научные сотрудники музеев продолжали свою работу, сохраняли верность долгу, собирая для будущих поколений ценные коллекции.

Сотрудники ГММ совместно с работниками Научно-технического отдела ВСНХ в течение 1920 года активно занимались

изучением северных заполярных районов, побережья Северного Ледовитого океана. От музея руководителем экспедиции являлся П. В. Виттенбург. Среди новых поступлений были магнитный железняк Кольского залива, образцы четвертичной фауны с реки Туломы и др.⁸⁹ А в 1921 году сотрудники ГММ уже «почти в полном составе» выехали в научные экспедиции: В. И. Вернадский возглавил экспедицию в Мурман, А. Е. Ферсман — в Хибины, Н. А. Кулик — Карскую экспедицию на Новую Землю. В последующие годы экспедиционная работа ГММ продолжала расширяться: в 1924–1925 годах было организовано 11 экспедиций по изучению и сбору материалов в самые различные точки необъятной станы — в Фергану, Забайкалье, Енисейскую губернию, Карелию, пустыню Каракумы и т. д.⁹⁰

Нам удалось выявить интересный, на наш взгляд, архивный документ — «Смету расходов Минералогического музея АН СССР в 1927 г. для обследования на Подкаменной Тунгуске района падения метеорита»⁹¹. Небольшая экспедиция под руководством Л. А. Кулика была предпринята «в связи с новыми данными о возможности установления места падения Тунгусского метеорита». На экспедицию было отпущено по смете всего 3 тыс. руб. Приведем для примера две статьи из сметы, которые, на наш взгляд, хорошо отражают специфику тех уже очень далеких лет: «Наем тунгуса с оленями в сезон — 300 руб.»; «постройка лодки-илимки для сплава — 200 руб.».

Сотрудники Ботанического музея весной 1925 года занимались сбором гербариев на Полярном Урале в составе Северно-Уральской экспедиции Академии наук⁹². В это же время проводилась обширная Кавказская экспедиция этого музея.

Отметим еще одну интересную деталь, характерную для комплектования музейных коллекций в первые годы Советской власти. Суть ее заключалась в том, что Советская Россия в те годы находилась в довольно сложном международном положении.

Медленно восстанавливался прежний, довоенный статус великой державы, правительства многих стран не спешили устанавливать с Россией дипломатические отношения. И, в связи с этим, транспортные сообщения с целым рядом стран находились в неудовлетворительном состоянии.

В этих условиях на помощь музейным работникам подчас приходили официальные представители России за границей — дипломаты

и сотрудники внешнеторгового ведомства, они организовывали транспортировку музейных коллекций, приобретенных за рубежом.

Так, врач Полномочного представительства РСФСР в Афганистане М. И. Вячеславов в течение 1922 года неоднократно отправлял Азиатскому музею коллекции, собранные или приобретенные в Захане, Бамине, Гульгуле, Мадере и Балхе⁹³.

Упомянутые выше 200 ящиков коллекций, собранные в Индии экспедицией Г. Х. Мерварта, были после многих неудачных попыток, наконец, вывезены из Мадраса и Коломбо уполномоченным Наркомата путей сообщения РСФСР Г. Д. Красинским, который организовал их отправку на пароходе «Декабрист»⁹⁴.

Академик И. Ю. Крачковский на заседании Отделения общественных наук АН, проходившем 30 января 1930 года, доложил своим коллегам о том, что представители Полномочного представительства СССР в Персии оказали МАЭ большую помощь в пополнении «арабских коллекций». Далее ученый сообщил о том, что недавно были установлены дипломатические отношения с Йеменом, в связи с этим, предложил обратиться с аналогичной просьбой о помощи музею к советским дипломатам уже в этой стране. Соответствующее письмо руководства Академии наук было направлено в Наркомат иностранных дел⁹⁵.

Новые поступления академических музеев широко использовались ими в научно-исследовательской работе, наиболее интересные дополняли существующие экспозиции, и на их основе строились выставки.

Деятельность академических музеев по сохранению памятников истории, культуры и природы в 1920-е годы была значительным явлением в истории отечественной науки, одним из конкретных воплощением глубоких традиций Академии наук. Деятельности музейных работников в те годы были присущи высокий профессиональный уровень, преданность своему делу и энтузиазм.

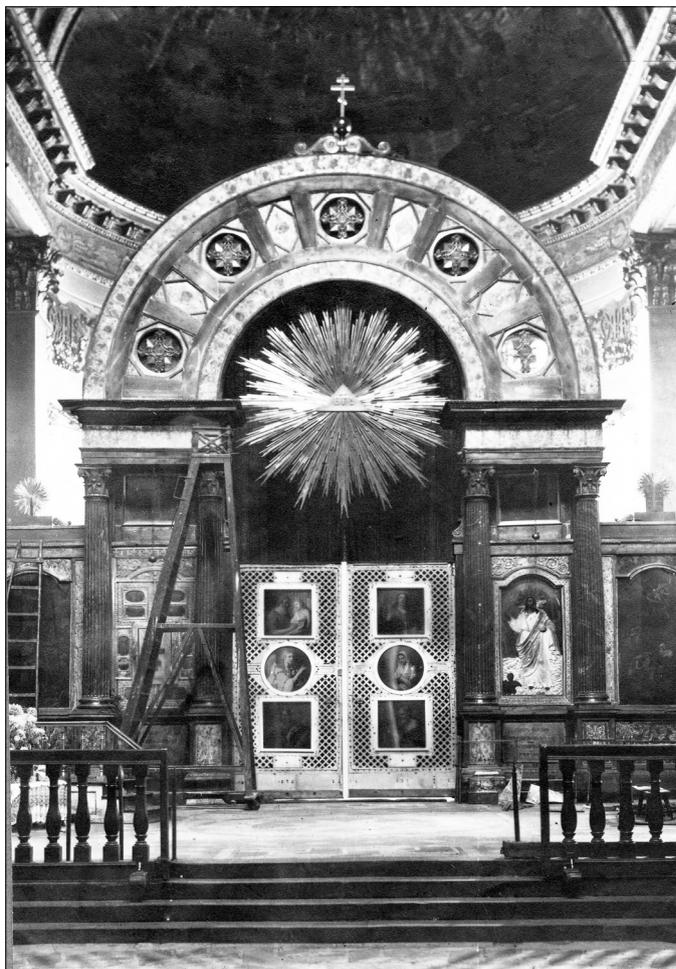
Академия наук в первое послереволюционное десятилетие являлась одной из немногих организаций, которые неуклонно и настойчиво боролись за сохранение культурного наследия дореволюционной России, была одним из центров этого общественно-го движения.

В 1921 году тяжелейший недород поразил восточные и поволжские губернии европейской России. В результате этого в стране

начался голод, подобный тому, который поразил Россию в 1891 году. 18 июля 1921 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет образовал Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол) под председательством М. И. Калинина, которая работала до 15 октября 1922 года.

Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года предусматривал в качестве одной из мер изыскания средств для помощи голодающим изъятие церковных ценностей. При этом на места были разосланы Наркомпросом инструкции, которыми предписывалось не допускать порчи ценностей, представляющих собой произведения искусства, предусматривалось, что изъятие ценностей возможно только «после предварительной экспертизы всех церковных памятников экспертами Музейных отделов» (местных органов Наркомпроса), кроме того, предусматривалась возможность выкупа церковных реликвий верующими. Однако на местах эти инструкции часто не исполнялись, местные власти мало считались с мнением Отделов музеев. Тяжелая ситуация сложилась при изъятии церковных ценностей и в Петрограде. Здесь сильно пострадали такие выдающиеся памятники, как Троицкий Измайловский собор, церкви Иконы Владимирской Божьей Матери, Таврического дворца, Сампсониевская на Выборгской стороне и др.

6 мая 1922 года руководители двух петроградских академий — президент Российской Академии наук А. П. Карпинский и председатель созданной в 1919 году Российской Академии истории материальной культуры А. С. Васильев — были вынуждены обратиться со специальными письмами к председателю ВЦИК М. И. Калинину, наркому просвещения А. В. Луначарскому и к заведующей Отделом музеев Наркомпроса Н. И. Троцкой⁹⁶ (обе академии в то время также находились в ведении Наркомпроса). Два крупнейших представителя отечественной науки писали: «Российская Академия наук и Российская Академия истории материальной культуры, получив совершенно конкретное представление о способах, применяемых при изъятии церковных предметов для сбора в пользу голодающих, без достаточно бережного отношения к художественно-исторической их ценности, спешат предупредить о необходимости принять срочные меры к обеспечению охраны памятников исключительного значения для истории общечеловеческой культуры. Несоблюдение преподанных центральной властью инструкций грозит порчей и даже

Снятие окладов с икон Казанского собора в Петрограде комиссией «Помгол». 1922 год

разрушением как отдельных выдающихся произведений искусства XVIII и первой половины XIX в., представленного наиболее блестяще именно в Петрограде, созданий лучших русских и иностранных мастеров, так и их замечательных ансамблей. Антикультурное обращение с предметами высокой художественной ценности в то

же время лишь препятствует достижению той цели, которую преследует Помгол, так как ясно, что выкуп таких предметов даст значительно больше денег, чем продажа сломанных и испорченных вещей на вес». Ученые призывали «в самом срочном порядке принять меры к тому, чтобы точно применялись данные центральной властью инструкции и таким образом были сохранены ценнейшие памятники искусства и были правильно осуществлены задачи Помгола»⁹⁷.

К сожалению, призыв руководителей русской науки был услышан и понят не везде, и в 1922 году многие замечательные памятники русской и церковной культуры были безвозвратно утрачены.

Следует отметить, что реальные возможности Академии, ее ученых в спасении памятников были ограничены. Но их активная гражданская позиция и патриотизм, безусловно, играли свою положительную роль, особенно на фоне недостаточного культурного уровня населения и равнодушия местных властей к этим вопросам.

В 1920-е годы отношение населения больших городов к памятникам городской архитектуры и скульптуры часто нельзя было назвать бережным. Сохранился весьма характерный документ — письмо, отправленное непременно секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом в Ленинградское отделение Главнауки 24 мая 1926 года. Сергей Федорович писал: «Мне, как и многим другим лицам, ежедневно приходится наблюдать варварское отношение несознательной части населения к памятнику Петра работы Фальконетта (речь шла о знаменитом Медном всаднике. — В. С.). Дети, подростки и даже молодые люди влезают на скалу, расшатавают змея, а некоторые ухитряются взбираться и до самой фигуры и делать здесь гимнастику. Не подлежит сомнению, что при дальнейшем отсутствии охраны созданию великого мастера грозит гибель, которая ляжет позорным пятном на всех нас. Не считая более возможным молчать, я обратился к содействию печати, чтобы привлечь к этому делу внимание власти и общества, и думаю, что такого рода обращение будет приветствовано и Ленинградским отделением Главнауки, поддержит его в трудной борьбе за целостность наших памятников»⁹⁸.

*Временная выставка церковных памятников, изъятых комиссией «Помгол».
Петроград, 1922 год*

Но в 1920–1930-е годы памятникам городской архитектуры грозила и другая опасность, еще большая, чем та, которая шла со стороны «несознательной части населения». В 1925 году была закончена разработка плана «Новая Москва», предусматривавшего существенную реконструкцию центральных районов столицы со сносом ряда старинных зданий и сооружений. Речь шла, в частности, о сносе каменных домов XVII века, находящихся в свое время в усадьбах князей Голицыных и Троекуровых (эти дома стояли на участке между Тверской улицей и Большой Дмитровкой, против Охотного ряда). 9 октября 1925 года Музейный отдел Главнауки попросил руководство Академии наук «высказать свое мнение по данному делу и, в случае принятия решения, в пользу защиты указанных исторических памятников направить соответственное представление в Моссовет, а также в иные высшие правительственные органы, по своему усмотрению»⁹⁹. Руководство Академии, в свою очередь, попросило председателя ПИК академика С. Ф. Платонова дать письменное заключение по этому вопросу. С. Ф. Платонов в своем письме

от 17 октября 1925 года, адресованном Президиуму Академии, решительно выступил за сохранение названных домов и особенно усадебного дома князя В. В. Голицына, подчеркнув, что голицынский дом — «своего рода уникам в истории русского бытового уклада». «Истребить этот исключительный по значению культурный памятник, — писал далее С. Ф. Платонов, — было бы полным варварством, и Академия не может иначе, как с полным осуждением, отнестись к мысли о застройке данного усадебного места новыми зданиями, для которых возможно было бы найти место в непосредственной близости, примерно у стены Китай-города или на месте бывшего Тестовского дома, ничем в архитектурном отношении не замечательного, или же против Александровского сада на месте бывших рядов с гостиницею “Кремль”»¹⁰⁰. Однако и этот акт «варварства» все же совершился, и все упомянутые выше постройки (кроме дома Троекурова) были снесены, а на их месте в 1932–1936 годах было возведено здание, в котором находился позднее Госплан СССР.

13 января 1927 года Главное управление научных учреждений Наркомпроса вновь обратилось к Академии наук с призывом помочь предотвратить снос нескольких архитектурных памятников Москвы. На этот раз речь шла «о сломке Красных Ворот и церквей Гребневской и Рождественской в Столешниках».

В письме руководства Академии от 19 января 1927 года, направленном в Наркомпрос, было заявлено, что «уничтожение такого замечательного архитектурного памятника, как Красные Ворота, является безусловно недопустимым, тем более что оно не вызывается и действительными потребностями перепланировки»¹⁰¹. Далее ученые указывали, что «церковь Рождества Богородицы» в Столешниках и в особенности Гребневская церковь на углу Мясницкой и Лубянского проезда являются древнейшими памятниками церковного зодчества в Москве» и уничтожение их стало бы «невознаградивой утратой и представляется недопустимым». Письмо заканчивалось твердым и однозначным выводом: «Академия наук СССР считает настоятельно необходимым возражать против состоявшегося постановления Московского Совета о сломке указанных выше памятников»¹⁰².

Весной 1927 года академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр вновь направили телеграмму председателю СНК

А. И. Рыкову, в которой «убедительно просили приостановить ломку исторического памятника Красных Ворот»¹⁰³.

В марте 1928 года академик Н. П. Лихачев решительно выступил в защиту памятника XVI века Москвы — «Никольской церкви, что на Мясницкой» (бытовавшее название этого храма — «Никола в Мясниках»), которую власти также обрекли на слом, в связи с «перепланировкой» центра столицы.

Ученый в своем письме к руководству Академии наук указал, что эта церковь является «выдающимся памятником архитектуры», что слом этого исторического памятника складывавшейся самобытной архитектуры был бы «ни чем не оправданным вандализмом»¹⁰⁴. Мы видим, как самые авторитетные ученые страны очень аргументировано, логично, с чувством большого патриотизма выступали в защиту национального культурного наследия. У представителей власти была возможность прислушаться к голосу разума, но этого не произошло, и, к великому сожалению, Москва навсегда лишилась в те годы многих бесценных памятников.

Летом 1928 года по распоряжению Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Охотном ряду начались работы по сносу здания церкви Параскевы, которое, по мнению Академии наук, являлось «памятником исключительного значения». Зная уже, что остановить снос никакими обращениями и призывами не удастся, Академия наук на этот раз ограничилась лишь просьбой от 26 июня, обращенной к председателю Президиума Моссовета К. В. Уханову, «не отказать принять во внимание интересы научного обследования здания церкви Параскевы» перед его окончательным разрушением¹⁰⁵. Ответ Президиума Моссовета от 4 июля 1928 года гласил: «20 июня с. г. нами дано было распоряжение Московскому коммунальному хозяйству об оказании содействия Комиссии Главнауки по изучению старинных сооружений на Охотнорядской площади в производстве научно-технического и научно-художественного обследования церкви Параскевы в Охотном ряду, **не нарушая темпа работ по сломке**»¹⁰⁶ (выделено нами. — В. С.). Ответ Моссовета, на наш взгляд, являлся убедительным образцом того, как советские чиновники уже научились бюрократическими методами прикрывать свои преступные деяния.

Церковь Параскевы в Охотном ряду в Москве, снесенная в 1928 г.

Руководство Академии выступило с решительными возражениями против развернувшейся в стране в конце 1920-х годов продажи за границу музейных ценностей. В мае 1928 года непременным секретарем С. Ф. Ольденбургом были направлены в ряд правительственных органов письма, в которых выражался протест против подобных акций, в частности, письма были адресованы наркому внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микояну, наркому просвещения СССР А. В. Луначарскому, секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе¹⁰⁷. Сергей Федорович резонно отметил в упомянутых письмах: «Материальная польза, извлекаемая от продажи указанных объектов, весьма невелика. Речь идет, в конце концов, о сравнительно очень скромных суммах, которые, конечно, не могут явиться сколько-нибудь существенной поддержкой наших государственных ресурсов». Он пытался убедить руководителей государства в том, что «дело это слишком важное и слишком больно отражающееся на наших культурных интересах. Вот почему я и решаюсь привлечь к нему Ваше внимание, тем более

что твердо убежден, что в данном случае происходит крупное недоразумение и что необходимы решительные меры для срочной его ликвидации». К сожалению, и это «крупное недоразумение» Академия пресечь своим вмешательством полностью не могла, но это, на наш взгляд, не умаляет значения предпринятых ею шагов.

К концу 1920-х годов продажа памятников истории и культуры за границу приобрела широкий размах. Государством были созданы даже специальные структуры, организовавшие эту деятельность. Так было создано Всесоюзное объединение «Международная книга», ведавшее продажей за границу редких русских книг.

В воспоминаниях М. А. Осоргина, страстного библиофила и тонкого знатока книги, жившего в те годы в эмиграции, мы находим самые горькие подробности этого явления. М. А. Осоргин писал только о тех фактах продажи за границей редчайших русских книг, свидетелем которых являлся сам. Для примера возьмем несколько фактов из его воспоминаний¹⁰⁸. Итак, тогда среди других уникалов были проданы «книги первопечатные (русские инкунабулы) львовские, виленские и острожские издания XVI века: “Апостол Ивана Федорова 1574 г.”, “Четвероевангелие Мстислава 1574 г.”, “Триодь постная” Андроника Невежи 1589 г. и др... еще более редки и ценны некоторые из изданий XVII века, и среди них несомненный уникал — книга “Кормчая”, напечатанная при патриархе Иосифе в Москве в 1650 году в лист». Об этой книге М. А. Осоргин дает очень эмоциональную, высочайшую оценку: «Эта “Кормчая”, конечно, величайшая музейная драгоценность и стоит больше всяких “бриллиантов короны”». Конечно, у носителя вековых культурных традиций М. А. Осоргина и тогдашних руководителей СССР были совершенно различные представления о духовных ценностях вообще, и о «бриллиантах короны», в частности.

В 1920-е годы существовала еще одна весьма реальная угроза распродажи памятников истории и культуры, оказавшихся в собственности у Советского государства. Это было связано с большими трудностями финансового порядка, из-за которых в числе многих учреждений культуры ликвидировались и музеи вместе с их фондами.

Нам удалось выявить об этом один, на наш взгляд, интересный документ в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Это письмо заведующего Музеем старой Москвы П. Н. Миллера

к руководству — Академии наук, которое он направил в начале сентября 1922 года, с просьбой о помощи¹⁰⁹.

Суть этого печального дела состояла в следующем. Музей старой Москвы тогда входил в состав объединения — Мосгубмузей. В объединение входило всего 6 музеев в Москве и 7 усадеб-музеев в Подмосковье. Штаты во всех 13-ти музеях составляли всего 53 сотрудника.

В июле–августе 1921 года в республике была проведена широкая кампания по сокращению государственных расходов на культуру. В результате ее из 53-х штатных единиц была оставлена всего 1 — это должность заведующего Мосгубмузеем (им тогда был Н. Д. Виноградов).

Формально вначале сами музеи не были ликвидированы, а были только сняты с государственного бюджета и переданы на бюджет местных органов Советской власти. Реально же у местных совдепов не было ни одной копейки на их содержание. В связи с этим фонды и имущество музеев сразу же поступали на аукционную распродажу. (Аукционный зал продажи памятников культуры и искусства находился в то время в Москве на Неглинной улице.)

К моменту написания упомянутого письма «с молотка» уже были проданы фонды трех городских музеев объединения (это более 500 наиболее ценных памятников) и четырех музеев-усадб из Подмосковья.

В заключение, П. Н. Миллер просил руководство Академии наук помочь «сохранить для трудового народа принадлежащие ему сокровища, на которых он может учиться и воспитываться».

Подобные драматические ситуации не раз возникали в отечественной культуре в первые годы Советской власти.

Так, в июле 1927 года академик Н. Я. Марр в очередной раз обратился к наркому просвещения А. В. Луначарскому «с протестом против снятия местных музеев с госбюджета», ученый указал при этом, что «все мои обращения остаются без реакции»¹¹⁰.

Одновременно с этим, Н. Я. Марр, в качестве члена Центрального комитета профсоюза работников просвещения, дал в Москву председателю этого профсоюза В. Коростылеву телеграмму следующего содержания: «Извещен о снятии с госбюджета местных музеев и научных обществ. При создавшихся конкретных на местах условиях наносится удар нашей профессиональной работе и по просвещению и по науке. Прошу Вашего энергичного

разъяснения»¹¹¹. Понятно, что к этому времени ни академические ученые, ни профсоюзные лидеры уже не могли оказать большого влияния на ход событий.

В 1929 году правительственным органам удалось покончить с остатками автономии Академии наук, было сформировано новое руководящее ядро из академиков-коммунистов. В деятельности Академии наступил новый этап полной поддержки политики Советской власти. Изменилось и отношение Академии к проблеме сохранения культурного наследия. Так, на Общем собрании 5 апреля 1930 года обсуждался доклад неперменного секретаря В. П. Волгина о поддержке Академией наук деятельности Новозэкспорта¹¹². В докладе говорилось «об оказании содействия удовлетворению заграничного спроса путем систематического вывоза различных материалов и коллекций, а также выделения ненужных Академии дублетных фондов и принятия Академией на себя обязанности параллельно собирать во время экспедиций материалы, предназначенные для экспорта». Общее собрание постановило:

— «Признать необходимым оказать содействие Новозэкпорту в организации вывоза за границу научных коллекций и материалов».

— «Создать для этих целей специальную комиссию под председательством академика В. А. Комарова».

Но всегда, даже в условиях нарастающего широкомасштабного террора, в рядах Академии наук были и такие ученые, которые находили в себе силы и мужество противостоять варварской политике тоталитарного режима. В начале 1934 года академик И. П. Павлов направил письмо в СНК СССР, в котором протестовал против разрушения Троицкого собора в Ленинграде¹¹³. Ученый с горечью отмечал: «Как можно было без ломки русского сердца снести уничтожение памятника величественного 12-го года — Христа Спасителя. А теперь только что услышал — собираются разрушить Троицкий собор в Ленинграде — скромную деревянную церковку, где молился Петр Великий, чрезвычайно русская личность». Иван Петрович пытался воззвать к чувству патриотизма представителей власти: «Голландия, чужая страна, бережет до сих пор домик, где работник Петр Великий жил простым рабочим».

Увы, и на этот раз голос разума властью услышан не был, но нам, живущим в России в начале XXI столетия, все-таки «дышит-

Троице-Петровский собор на Петербургской стороне, уничтоженный в 1934 год

ся немного легче» оттого, что этот голос прозвучал в те далекие и страшные 1930-е годы.

Полагаем, что новое поколение академических сотрудников должно знать о высокой гражданственности и активности Академии в деле сохранения памятников истории и культуры в 1920-е годы, в оценке значения культурного наследия в жизни общества¹¹⁴.

Примечания

1. Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768–1771 гг. СПб., 1993 С. 67.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 171. § 129.

3. Научное наследие П. С. Палласа. С. 32.
4. *Соболев В. С.* Из истории деятельности академических музеев. Л., 1981. С. 9.
5. ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–26.
6. Там же. Д. 18. Л. 82–82 об.
7. Там же.
8. Там же. Д. 28. Л. 25–26.
9. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1895. Д. 15. Л. 33–34.
10. Там же.
11. Там же. Ф. 764. Оп. 2. Д. 657. Л. 14–15.
12. Там же. Л. 17–17 об.
13. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
14. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1894 год. СПб., 1894. С. 53.
15. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1903. Д. 150. Л. 307.
16. Там же. Оп. 1 а-1904. Д. 151. Л. 250–250 об.
17. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–24.
18. *Столыпин П. А.* Переписка. М.: РОССПЭН, 2007. С. 252–253.
19. Там же. С. 251–252.
20. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. до 1918 г. Д. 70. Л. 59–59 об.
21. Там же. Д. 37. Л. 2–2 об. К сожалению, эта «освободительная война» имела для России и другие, правда, печальные, результаты и последствия. Так, одним из последствий стал тот факт, что Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии против России.
22. Там же.
23. На наш взгляд, не было случайным, что упомянутый в «Записке» несколько раз Константинополь Николай II в своей резолюции назвал Царь-градом. Все-таки сильна была известная имперская мечта, которой со всей серьезностью отдавали дань и такие образованные и культурные люди, каковым был П. Н. Милюков.
24. ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 72.
25. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.
26. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1914. Д. 161. Л. 89–89 об.
27. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 13.
28. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1916. Д. 163. Л. 449–450.
29. Там же. Л. 113–114.
30. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 35. Л. 76.
31. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1915. Д. 162. Л. 92–92 об.
32. Там же.
33. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 35. Л. 91.
34. Там же.
35. Там же. Л. 100–100 об.

36. ПФА РАН. Оп. 1 а-1918. Д. 165. ОС. § 24.
37. Там же. § 154.
38. Там же. § 71.
39. Там же. § 273.
40. В это время В. И. Вернадский находился в занятом войсками П. Н. Врангеля Крыму и являлся ректором Таврического университета.
41. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. ОС. § 39.
42. Там же. § 55.
43. Там же. § 74.
44. В этом здании тогда размещались Российская Академия истории материальной культуры и Петроградское отделение Главнауки Наркомпроса.
45. Там же. § 149.
46. Там же. Оп. 1 а-1922. Д. 170. § 36.
47. Там же. Оп. 1 а-1918. Д. 165. РЯ. § 114.
48. Там же. ОС. § 302.
49. Там же. Оп. 1 а-1919. Д. 167. § 19.
50. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. Л., 1986. С. 212–213.
51. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 171. § 124.
52. Там же. Оп. 1 а-1918. Д. 165. § 171.
53. Там же. Д. 167. ИФ. § 160.
54. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 170. § 23.
55. Российский государственный исторический архив. (РГИА) Ф. 6900. Оп. 1. Д. 141. Л. 20–21.
56. Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1919 г. Пг., 1920. С. 48.
57. Отчет Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год. Пг., 1921. С. 41.
58. Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год. Л., 1924. С. 111.
59. ПФА РАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 896. Л. 1.
60. Там же. Л. 16.
61. Там же. Л. 46–46 об.
62. Там же. Л. 46 об–47.
63. Там же. Л. 29–29 об.
64. Там же. Л. 130–131.
65. Там же.
66. Фактический материал извлечен автором из справочников: Наука в России. Пг., 1920. Вып. 1; Наука и научные работники СССР. Л., 1926. Ч. 2.
67. Коллекция, в которую входили предметы, принадлежавшие Петру I, и памятники его эпохи, более 4 тыс экспонатов.

68. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год. Л., 1927.
69. Объективность требует отметить, что в рассматриваемый нами период истории все большую роль в развитии естественных наук начинали играть академические комиссии: Комиссия по изучению естественных производительных сил, Комиссия по научным экспедициям, Полярная комиссия и др.
70. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1920. Д. 7. Л. 3–4. Записку составил академик А. Е. Ферсман, а правки в документ внесли академик В. А. Стеклов, М. Горький.
71. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1927. Д. 3. Л. 9.
72. Там же. Л. 43.
73. Там же. Оп. 1–1920. Д. 1. Л. 2–3.
74. Там же. Оп. 1–1922. Д. 3. Л. 4–6.
75. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а–1922. Д. 170. § 46 (ОИФ).
76. Там же. Оп. 1 а–1923. Д. 172. § 141 (ОИФ).
77. Коллекция ископаемых чешуйчатых млекопитающих.
78. Коллекция насекомых.
79. ПФА РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 167. Л. 24–26.
80. Там же. Ф. 152. Оп. 1 а. Д. 71. Л. 4.
81. Там же. Л. 5.
82. Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–1 об.
83. Там же. Д. 243. Л. 4.
84. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1921. Д. 2. Л. 2.
85. Там же. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 15–15 об.
86. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 33, 36, 50.
87. Там же. Д. 167. Л. 15. «Экспедиционные» в те годы имело смысл «экспедиционные».
88. Там же. Д. 166. Л. 86–101.
89. Там же. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87 Л. 7–8.
90. Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 252. Л. 44.
91. Там же. Л. 50–51.
92. Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.
93. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а–1922. Д. 170. § 67 (ОИФ).
94. Там же. Оп. 1 а–1923. Д. 172. § 177 (ОИФ).
95. Там же. Оп. 1–1930. Д. 256. Л. 2.
96. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а–1922. Д. 171. § 111.
97. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1922. Д. 12. Л. 2–2 об.
98. Там же. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 43–43 об.
99. Там же. Л. 72.
100. Там же. Д. 69–70.
101. Там же. Оп. 1–1927. Д. 1. Л. 3–4.
102. Там же.
103. Там же. Оп. 1–1926. Д. 39. Л. 68.

104. Там же. Оп. 1-1928. Д. 1. Л. 26.
105. Там же. Оп. 1-1928. Д. 1. Л. 57-57 об.
106. Там же. Л. 61.
107. Там же. Л. 45, 47, 48.
108. *Осоргин М.* Записки старого книговеда. Воспоминания. М., 2007. С. 698-699.
109. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1922. Д. 1. Л. 447-449.
110. Там же. Ф. 800. Оп. 2. Д. 37. Л. 29-29 об.
111. Там же. Л. 34.
112. Там же. Ф. 1. Оп. 1-1930. Д. 254 дубл. ОС. § 44.
113. Там же. Ф. 259. Оп. 1 а. Д. 9. Л. 2-2 об.
114. Домик Петра I до сих пор сохранился в городе Зондаме (Голландия). При необходимости сотрудники этого музея могут провести экскурсию и на русском языке. Любопытно, что в книге посетителей Наполеон оставил следующую запись: «Великому ничто не может быть мало».